

Введение в заблуждение и обман в уголовном процессе: соотношение понятий, последствия и процессуальное реагирование

Аннотация. Статья посвящена анализу понятий «введение в заблуждение» и «обман» в уголовном процессе. В работе проведено разграничение этих понятий, проанализированы уголовно-процессуальные последствия обмана и введения в заблуждение, допущенных при производстве по уголовному делу, а также раскрыто их правовое содержание и возможное влияние на производство по уголовному делу. В работе также определено соотношение обмана и введения в заблуждение со злоупотреблением в уголовном процессе. Автором предложены основные формы уголовно-процессуального реагирования на обман и введение в заблуждение, выявленные при производстве по уголовному делу. Выделены и рассмотрены основные направления борьбы с этими негативными явлениями, предложена классификация комплекса мер по борьбе с введением в заблуждение. Выдвинуты предложения по совершенствованию законодательства в интересах предотвращения введения участников уголовного процесса в заблуждение и восстановления прав участников уголовного процесса, нарушенных в результате введения в заблуждение. В статье также уделяется внимание провокации как особой форме обмана в уголовном процессе, указано на негативное влияние недостоверной информации на реализацию общеправового принципа правовой определенности при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: обман, введение в заблуждение, заблуждение в уголовном процессе, нарушение процессуальных прав, недостоверность информации, злоупотребление, провокация, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, правовая определенность, законность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.144-152

Законность при производстве по уголовному делу неразрывно связана с интеллектуальной деятельностью профессионального участника уголовного процесса по применению норм уголовного и уголовно-процессуального права на основании известных ему фактических обстоятельств¹.

Уголовно-процессуальный закон не определяет исчерпывающий перечень источников информации, которую участник уголовного процесса может использовать для принятия решений о применении тех или иных правовых норм. Такими источниками могут быть не только процессуально закрепленные доказательства, но

¹ Подробнее по этому вопросу см.: Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16. С.5—8.

© Купрейченко С. В., 2016

* Купрейченко Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, адвокат Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры»

svk82003@list.ru

125565, Россия, г. Москва, ул. Новокосинская, д. 38, корп. 3, кв. 7

и сведения, полученные в рамках проверки информации о преступлении, оперативная информация, собственные наблюдения, общеизвестные факты и прочее.

Но правильность принимаемых правоприменителем решений зависит не только от его квалификации и соблюдения правил формальной логики, но и от полноты и достоверности информации, служащей основанием для принятия процессуальных решений. Это означает, что при реализации своих полномочий профессиональный участник уголовного процесса обязан проявить разумную осмотрительность и осторожность при использовании информации и принимать необходимые меры к ее проверке.

Будет справедливо отметить, что не вся информация, используемая при производстве по уголовному делу, может быть проверена в полной мере. Это связано как с необходимостью соблюдения установленных законодателем процессуальных сроков, так и отсутствием в ряде случаев объективной возможности по сопоставлению информации, например ввиду ее безальтернативного характера.

Таким образом, в своей процессуальной деятельности правоприменитель нередко принимает свои решения, полагаясь на свое доверие к тому или иному источнику информации.

Настоящая статья посвящена анализу правовой природы введения участника уголовного процесса в заблуждение, процессуальных последствий введения в заблуждение, а также разработке мер по предупреждению и устранению последствий этого негативного явления.

Для того чтобы борьба с введением в заблуждение не была бесцельной и неэффективной, следует оговориться, что введение в заблуждение не всегда приобретает процессуальное значение. Ложные утверждения, звучащие из уст участника уголовного процесса или изложенные в составленных им процессуальных документах, не делают чести, но далеко не все из них являются достойными процессуального реагирования, поскольку не всегда являются процессуально значимыми.

Заблуждение участника процесса приобретает уголовно-процессуальное значение только тогда, когда сформированные на основании

неправильной или неполной информации умозаключения становятся основанием для принятия процессуальных решений, совершения действий или бездействия. В частности, это может быть сообщенная следователю ложная информация, на основании которой он принимает решение о проведении следственного действия, ложные показания свидетеля, положенные в основу обвинения, а равно и утаивание тех или иных значимых обстоятельств. Результатом процессуальных действий (бездействия) или решений субъекта, введенного в заблуждение, может быть как не отвечающий целям и задачам уголовного процесса исход дела, так и нарушение прав участников процесса. Для предотвращения наступления этих вредных последствий еще до окончания производства по уголовному делу требуется принятие мер по восстановлению нарушенных прав участников процесса, пресечению дальнейших попыток введения в заблуждение, а также использование мер профилактического характера, сужающих круг возможностей по введению в заблуждение.

Крайне важно учитывать риск перерождения борьбы за достоверность процессуальной информации в орудие запугивания и инструмент ущемления процессуальных прав в руках недобросовестных правоприменителей, различая «неумышленное введение в заблуждение» и «обман».

Раскрывая понятие обмана для целей применения положений ст. 159 Уголовного кодекса РФ, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 указывает, что обман может состоять «в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях <...>, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»².

Такое понимание обмана применимо и в рамках уголовного процесса. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации не отождествляет обман и введение в заблуждение, делая оговорку, что обманом являются именно умышленные действия, направленные на введение в заблуждение.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

Действительно, нельзя исключать ситуации, когда участник уголовного процесса сообщает недостоверную информацию по невнимательности, в силу легкомыслия, небрежности или же ввиду собственного добросовестного заблуждения, вызванного разнообразными объективными обстоятельствами. К последней категории можно отнести, например, изменение обстановки, вызвавшее неосведомленность лица, обладающего информацией, утратившей актуальность.

Во всех случаях, когда недостоверная информация может влиять на правильность совершаемых по делу процессуальных действий или принимаемых решений, необходимо стремиться к устранению негативных последствий. В то же время следует крайне осторожно и дифференцированно подходить к возможности наступления ответственности лиц, невольно допустивших введение в заблуждение, поскольку эти действия совершены не умышленно и могут быть допущены по независящим от них обстоятельствам.

По этой причине рационально будет привлечение субъекта к ответственности именно в случае обмана, как умышленной формы введения в заблуждения, тогда как неумышленное введение в заблуждение должно быть основанием для соответствующего процессуального реагирования, направленного не на привлечение субъекта к ответственности, а на получение достоверной информации и устранение самого заблуждения.

Особую опасность представляет обман, совершенный профессиональным участником уголовного процесса. Любое процессуально значимое поведение таких участников уголовного процесса осуществляется в рамках их правового положения. Действия профессионального участника процесса, не предусмотренные законом и совершенные за рамками его правового статуса, не должны влечь процессуальных последствий. Это означает, что процессуальный обман этими субъектами может быть осуществлен только через реализацию права либо полномочия. Иными словами, обман, совершенный профессиональным участником уголовного

процесса, — это как правило злоупотребление, за исключением узкого круга случаев, когда обман допускается законом в тактических целях.

От прочих видов злоупотреблений его отличает достижение цели посредством введения субъекта или субъектов уголовного процесса в заблуждение. Важно учитывать, что цель объективно может являться законной, но достигается неприемлемым способом, что как правило исключает возможность объективной оценки законности цели. Например, если в результате обмана лицо было привлечено к уголовной ответственности, законность привлечения к ответственности нельзя установить без повторного рассмотрения дела.

Понятие обмана в уголовном процессе лишь частично пересекается с понятием преступления, поскольку УК РФ предусматривает ответственность лишь за некоторые виды обмана. Цель обмана может не являться криминальной и порой связана со страхом признания ошибки или прочими психологическими проявлениями и особенностями личности участника процесса.

Вместе с тем, вне зависимости от конкретной цели, обман в уголовном процессе либо нарушает, либо создает угрозу нарушения уголовно-процессуальных отношений, связанных с реализацией прав и полномочий, а также исполнением обязанностей участников уголовного процесса.

Изложенное приводит к выводу о том, что обман и неумышленное введение в заблуждение могут иметь одинаковые последствия. Обман неизбежно предполагает возникновение заблуждения у участника уголовного процесса, но эти понятия нельзя отождествлять. При обмане заблуждение участника уголовного процесса наступает именно в результате умышленных действий. В силу умышленного характера последствия уголовно-процессуального обмана отличаются большим многообразием и большей опасностью, нежели чем в случае с неумышленным введением в заблуждение.

В науке принято различать обман в активной форме, когда речь идет о сознательном искажении истины, а также пассивный обман, когда лицо намеренно умалчивает об истине³.

³ См., например, Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Т. 1 / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Желваков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. С. 590—591.

Естественно, что и в первом, и тем более во втором случае, доказать умышленный характер действий участника процесса может оказаться весьма сложной задачей. Этот вопрос тем не менее должен быть поставлен при определении наличия или отсутствия оснований для привлечения лица к дисциплинарной или иной форме ответственности.

Однако для уголовного процесса, в ходе которого произошел обман, более значимым является не привлечение лица к ответственности или точность квалификации его действий как обмана либо неумышленного введения в заблуждение, а устранение возникших в результате использования недостоверной информации негативных последствий.

Ряд процессуальных мер может быть принят к участникам уголовного процесса вне зависимости от того, являлись ли их действия обманом или неумышленным введением в заблуждение.

В рамках текущего уголовного процесса борьба с введением в заблуждение должна быть направлена на ограждение участников от недостоверной информации, а также устранение нарушений, допущенных в результате введения в заблуждение.

В широком смысле процессуальным последствием введения в заблуждение как правило является нарушение прав того или иного субъекта, либо угроза нарушения в том случае, если недостоверность или неполнота информации обнаружена. То обстоятельство, что различные субъекты процесса наделены различным объемом прав и полномочий позволяет предположить, что тяжесть последствий использования недостоверной или неполной информации зависит от роли и правового статуса как участника процесса, вводящего в заблуждение, так и субъекта, введенного в заблуждение. Например, заведомо ложное заключение эксперта, вводящее в заблуждение суд, опасно, во-первых, в силу особенностей статуса эксперта как лица, обладающего специальными знаниями, и затруднительности проверки обоснованности его позиции, так и по причине возможности принятия судом решения на основании этого ложного заключения в рамках своих широких дискреционных полномочий.

В то же время на подозреваемого и обвиняемого, хотя и являющихся важнейшими источниками доказательственной информации,

законодателем не возложены какие-либо обязанности по сообщению суду или следствию достоверной информации. Сообщенная ими информация как правило подвергается всесторонней и многократной проверке, в т.ч. исходя из требований ст. 87 и 88 УПК РФ, что снижает риски введения других участников уголовного процесса в заблуждение и наступления негативных последствий.

Именно поэтому законодатель предусматривает в т.ч. и уголовную ответственность для субъектов, чьи специальные познания или уникальная осведомленность могут оказать существенное влияние на исход дела.

Заблуждение приводит к принятию ошибочных процессуальных решений, действий или к недопустимому в конкретных обстоятельствах бездействию, что в ряде случаев влечет невосполнимое нарушение прав участников уголовного процесса и, как следствие, нарушение законности.

Возможность наступления столь существенных негативных последствий требует немедленного реагирования на введение в заблуждение еще до завершения уголовного процесса и вне зависимости от наличия или отсутствия умысла в действиях (бездействии) лица, вводящего в заблуждение.

Основанием для процессуального реагирования следует считать выявление состоявшегося введения в заблуждение или попытки введения в заблуждение.

При этом комплекс мер по борьбе с введением в заблуждение должен включать как **ситуативные**, направленные на устранение нарушения и восполнение нарушенных прав или предотвращение их нарушений, в случае если таковые еще не наступили, так и **профилактические**, в т.ч. и направленные на предотвращение последующего введения в заблуждение.

Некоторые инструменты реагирования на введение в заблуждение уже заложены в уголовно-процессуальном законе, но применяются в чрезвычайно узком кругу процессуальных ситуаций, что не обеспечивает полноценной борьбы с этим негативным явлением.

Так, основной механизм устранения последствий обмана, повлиявшего на исход дела, предусмотрен в ст. 413 УПК РФ. Необнаруженный вовремя обман может привести к неправоначальному разрешению дела. Впоследствии выявление этого злоупотребления может являться

основанием для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам в порядке ч. 3 ст. 413 УПК РФ.

Однако этот путь устранения последствий обмана нельзя считать совершенным, поскольку формулировки упомянутой нормы не в полной мере универсальны. Очевидно, что такие субъекты, как следователь, дознаватель, прокурор и адвокат своей деятельностью могут оказать существенное влияние на исход дела, но в ст. 413 УПК РФ речь об адвокате не идет вовсе, а преступность действий дознавателя, следователя и прокурора должна быть установлена вступившим в силу приговором суда. Кроме того, неразумно было бы сводить процессуальные последствия обмана лишь к требованиям ч. 3 ст. 413 УПК РФ еще и потому, что ее применение — это как правило запоздалая реакция на состоявшееся значительно ранее нарушение. Восстановление нарушенных прав при таких обстоятельствах часто затруднительно и не всегда эффективно.

Нельзя пренебрегать возможностью своевременного предотвращения невосполнимых нарушений прав участников процесса, на той стадии процесса, на которой произошел обман или попытка обмана. Дождаться соответствующей уголовно-правовой квалификации действий субъекта с точки зрения обеспечения законности при производстве по делу — невольительная роскошь.

Кроме того, формулировки ч.3 ст.413 УПК РФ не охватывают случаи повлиявшего на исход дела заблуждения, вызванного неумышленными действиями или бездействием.

В случае выявления недостоверности информации в ходе предварительного расследования или судебных стадий процесса, отвод в порядке гл. 9 УПК РФ может быть использован в качестве средства предупреждения иных ошибок или попыток злоупотребления со стороны участника процесса. Впрочем, отвод не является универсальным способом борьбы с введением в заблуждение, поскольку применим не ко всем участникам процесса, а кроме того, не может устранить всех вредных последствий заблуждения.

Серьезные споры могут вызвать и основания отвода в т.ч. и ввиду сложности практического применения формулировки ч. 2 ст. 61 УПК РФ, исключающей возможность участия в деле судьи, прокурора, следователя и дозна-

вателя при наличии любых обстоятельств, дающих основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе дела.

Следует отметить, что при выявлении обмана или попытки его совершения наличие прямой или косвенной личной заинтересованности в исходе дела доказать весьма непросто. Однако данные затруднения не следует рассматривать как препятствие для отвода в связи с обманом, поскольку вне зависимости от причин и преследуемой цели, дальнейшее участие субъекта, совершившего обман, угрожает правам и законным интересам других участников процесса. Основанием для отвода должен являться сам факт выявленного злоупотребления.

Это позволяет говорить о целесообразности введения в нормы гл. 9 УПК РФ понятия обмана как специального основания для отвода отдельных участников уголовного процесса. Такой подход не выбивается из общей стилистики регулирования института отвода, поскольку известны и другие случаи закрепления специальных оснований для отвода по отношению к отдельным участникам процесса. В частности, специальным основанием для отвода переводчика является его некомпетентность (ч. 2 ст. 69 УПК РФ). Этот пример подтверждает, что перечень обстоятельств, исключающих участие в производстве по делу и могущих рассматриваться в качестве основания для отвода, нужно определять по отношению к каждому отдельному субъекту с учетом его роли в уголовном процессе.

Обман не может рассматриваться как основание для отвода таких участников уголовного процесса, как подозреваемый, обвиняемый, частный обвинитель, защитник, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, что, впрочем, не означает допустимость и приемлемость обмана со стороны этих субъектов. Закон должен предусматривать иные способы борьбы со злоупотреблениями со стороны этих участников уголовного процесса, поскольку большинство из них вообще невозможно исключить из дела, тогда как негативные последствия от отвода свидетеля или защитника как правило могут быть более существенными, чем при условии их продолжения участия в уголовном процессе.

В тех случаях, когда отвод участника процесса в связи с обманом или попыткой обмана невозможен, необходимо принимать меры к обеспечению надлежащего поведения со стороны

участника уголовного процесса и исключению негативных последствий обмана или неумышленного введения в заблуждение. Следует учитывать, что реагирование участника уголовного процесса на обман всегда ограничено кругом его прав и полномочий. Вместе с тем отсутствие властных полномочий у многих участников уголовного процесса не означает их беззащитности. Представляется, что они вправе обращать внимание на факты обмана, введения в заблуждение и связанные с ними нарушения их прав посредством заявления жалоб и ходатайств, обращенных к субъектам, уполномоченным осуществлять производство по уголовному делу. Последние, в свою очередь, на основании этих обращений, а равно и по собственной инициативе, при выявлении соответствующих фактов, могут принимать меры к участникам, осуществившим обман.

Эти меры могут быть связаны как с направлением соответствующих представлений в инстанции, уполномоченные на привлечение специальных субъектов к дисциплинарной ответственности на стадии предварительного расследования, так и с вынесением частных определений и постановлений в судебных стадиях уголовного процесса. Кроме того, факты, указывающие на обман или введение в заблуждение, должны дополнительно отражаться в протоколах следственных и процессуальных действий, а равно и судебного заседания.

Устранение последствий установленного заблуждения может включать самый широкий круг мер, в частности:

- повторное разъяснение прав, в случае если недостоверность информации привела к введению участника процесса в заблуждение относительно его прав и правового положения;
- предоставление участнику процесса возможности совершения процессуальных действий, ставших невозможными в результате обмана;
- повторное совершение процессуальных и следственных действий для восстановления прав участника процесса. Например, заблуждение может рассматриваться как основание для назначения повторной экспертизы либо для проведения повторного допроса;
- возвращение уголовного дела следователю или прокурору в порядке ст. 221, 237 УПК РФ для устранения последствий заблуждения и восстановления нарушенных прав;

- возможность обжалования процессуальных действий и решений по причине введения в заблуждение, повлиявшего на принятие соответствующего решения, совершение действия или бездействия и повлекшего за собой нарушение права участника процесса или иного заинтересованного лица;
- восстановление процессуальных сроков, пропущенных вследствие введения в заблуждение.

Примечательно, что инструменты реализации перечисленных мер уже закреплены в уголовно-процессуальном законе, но для их эффективного применения целесообразно предусмотреть в соответствующих нормах УПК РФ специальные основания, предусматривающие возможность принятия и совершения соответствующих процессуальных решений и действий именно в случае выявления заблуждения и недостоверности информации.

Особое значение для уголовного процесса имеет проблема признания недопустимыми доказательств, полученных путем обмана. Хотя на первый взгляд было бы справедливо рассматривать обман как нарушение, влекущее в силу требований ст. 75 УПК РФ признание доказательства недопустимым, за целым рядом участников процесса УПК РФ не закрепляет обязанность говорить только правду.

На практике следователи и дознаватели нередко прибегают к обману с целью получения тех или иных показаний при проведении допросов и других следственных действий, рассматривая это как тактический прием. Действительно, в силу требований ч. 2 ст. 189 УПК РФ, следователь свободен в выборе тактики допроса, однако следует учитывать, что никакие тактические приемы, примененные при проведении следственного действия, не должны приводить к нарушению прав участников уголовного процесса. В случаях, когда такие нарушения все-таки наступили, их следует рассматривать как основание для признания полученного доказательства недопустимым.

Необходимо учитывать и вероятность того, что обман может спровоцировать в т.ч. и сообщение недостоверной информации, включая и самооговор и даже совершение участником процесса незаконных действий, в т.ч. и новых преступлений, которые при иных обстоятельствах не были бы совершены. По этой причине факты обмана, пусть и не противореча-

щие прямо уголовно-процессуальному закону, должны подвергаться тщательному анализу, во-первых, на предмет достоверности полученной в итоге информации, а во-вторых, на предмет возможной провокационности таких действий. Обман, совершенный не для получения достоверной информации, а с целью провокации совершения незаконных действий, которые бы иначе не были бы совершены, не может считаться лишь тактическим приемом в рамках ч. 2 ст. 189 УПК РФ.

Такая форма обмана в любом случае должна рассматриваться как злоупотребление, влекущее, помимо различных форм ответственности, такие процессуальные последствия, как недопустимость доказательств, полученных в результате этого злоупотребления, отвод недобросовестного правоприменителя от дальнейшего участия в уголовном процессе, отмену вынесенных процессуальных решений и признание соответствующего действия или бездействия незаконным. На незаконность подобных действий неоднократно было указано как в науке уголовного процесса⁴, так и в судебной практике⁵, в связи с чем перечисленные последствия не должны зависеть от декларируемой участником уголовного процесса мотивации своих действий.

Вместе с тем следует оговориться, что Европейский Суд по правам человека в своих постановлениях признает допустимость применения в ряде случаев специальных методов расследования, в частности, когда есть основания полагать, что лицо совершает преступление, а также при условии, что умысел на совершение преступления не формируется в результате действий правоохранительных органов⁶.

Столь разнообразные и существенные последствия заблуждения в уголовном процессе подтверждают значимость мер, направленных на профилактику этого негативного явления.

Эти меры должны быть направлены на совершенствование как норм подзаконных и корпоративных нормативных актов, регулирующих поведение профессиональных участников уголовного процесса, так и требований уголовно-процессуального закона.

Кодексы профессиональной этики, хотя и не являются уголовно-процессуальным законом, формируют стандарты деятельности профессиональных участников уголовного процесса и способны внести свой вклад в повышение культуры правоприменения и уменьшение количества недобросовестных и неосторожных действий.

Уголовно-процессуальный закон также может уменьшить вероятность использования недостоверной информации, в том числе и через формулирование дополнительных требований к проверке и оценке доказательств лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Примером тому является включение в 2008 г. в ч. 1 ст. 108 УПК РФ ограничения на использование данных, не проверенных в ходе судебного заседания в качестве основания для избрания или продления меры пресечения в виде заключения под стражу. Подобного рода адресные решения могут сочетаться и с формулированием универсальных норм, применимых ко всем или отдельным группам участников уголовного процесса в тех случаях, когда это возможно.

Значение подобного рода профилактических мер трудно переоценить, поскольку использование недостоверной информации при производстве по уголовному делу зачастую делает невозможными правильную оценку значения и достоверное прогнозирование последствий реализации участником уголовного процесса своих прав и полномочий. Более того, даже при условии осведомленности о факте недостоверности информации, например в тех случаях, когда злоупотребление было разо-

⁴ Радачинский С. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 59—63.

⁵ См.: п.7.2 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.

⁶ Подробнее см.: п.55 Постановления Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. (жалоба № 74420/01) по делу «Раманаускас против Литвы» // Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». 2010. № 3 С.66—77 ; Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06).

блачено, участник уголовного процесса теряет уверенность в эффективности предоставленных ему законодателем прав и полномочий, неизбежно вынужден действовать с учетом их возможного нарушения.

Это означает, что как обман, так и неумышленное введение в заблуждение влечет за собой нарушение правовой определенности, поскольку возможность его участника быть уверенным в своих правах и правильно прогнозировать последствия своих процессуальных решений является одним из важнейших условий обеспечения этого фундаментального принципа права.

Подводя итог вышеизложенному следует отметить, что хотя в основу уголовного процесса и заложен принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ), его не следует абсолютизировать. Доверие — необходимое условие эффективной процессуальной деятельности, а также соблюдения принципов уголовного процесса, включая принцип равноправия сторон перед судом, закрепленный в той же статье УПК РФ.

Введение в заблуждение в различных формах подрывает доверие и даже в тех случаях, когда оно само по себе не является противозаконным, влечет за собой правовую неопределенность, повышает вероятность непредумышленных ошибок и создает благодатную почву для разнообразных нарушений и злоупотреблений, что противоречит задачам уголовного процесса.

В свою очередь, обман и неумышленное введение в заблуждение являются формами введения в заблуждение, которые, несмотря на некоторое сходство, различаются между собой как по субъективной, так по объективной сторонам. Обман как правило влечет за собой более опасные последствия и процессуальное реагирование на него должно включать не только меры по устранению заблуждения, возникшего у участников уголовного процесса, но и профилактические меры с установлением всех сопутствующих обстоятельств, а также привлечение к ответственности субъекта обмана.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. — 2012. № 16. — С. 5—8.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Т. 1 / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Желваков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. — М. : Проспект, 2015. — 792 с.
3. Радачинский С. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. — 2008. — № 1. — С. 59—63.

Материал поступил в редакцию 13 января 2016 г.

MISREPRESENTATION AND FRAUD IN CRIMINAL PROCEDURE: CORRELATION OF CONCEPTS, EFFECTS AND PROCEDURAL RESPONSE

KUPREICHENKO Sergei Vladimirovich — PhD in Law Attorney, «Kaganov and Partners» Moscow Law Firm
svk82003@list.ru
125565, Russia, Moscow, Novokosinskaya Str., 38, build. 3, apt. 7

Review. *The article is devoted to the analysis of such concepts as "misrepresentation" and "fraud" in criminal procedure. The paper differentiates these concepts, analyzes the criminal procedural effects of fraud and misrepresentation, which take place in criminal proceedings, as well as discovers their legal substance and possible impact on the criminal case. The article also determines the correlation between a fraud and abusive misrepresentation within a criminal process. The author proposes the basic forms of criminal procedure response to fraud and misrepresentation brought out within the criminal proceedings. The article highlights the main directions for combating these negative phenomena, provides classification of a set of measures for combating misrepresentation. The author proposes ways of perfection of legislation in order to prevent misleading of the participants of the criminal process and the restoration of rights of persons involved in criminal proceedings, infringed as*

a result of misrepresentation. The article also focuses on entrapment as a particular form of fraud in the criminal process, indicates negative effects of inadequate information on the implementation of the general principle of legal certainty in criminal proceedings.

Keywords: *fraud, misrepresentation, misleading in criminal procedure, violation of procedural rights, inaccuracy of information, abuse, entrapment, criminal procedure, criminal court procedure, legal certainty, the rule of law.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Guljaev A. P. Celi, zadachi i principy kak fundamental'nye polozhenija ugovovno-processual'nogo prava: po zakonu, teorii i praktike // Rossijskij sledovatel'. — 2012. № 16. — S. 5—8.*
2. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). T. 1 / A. V. Brilliantov, G. D. Dolzhenkova, Je. N. Zhelvakov [i dr.] ; pod red. A. V. Brilliantova. — M. : Prospekt, 2015. — 792 s.*
3. *Radachinskij S. Juridicheskaja priroda provokacii prestuplenija // Ugolovnoe pravo. — 2008. — № 1. — S. 59—63.*